Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Система, обращающая в прах

18.01.2024.

Photo © N. Sikorsky

Сегодня в книжные магазины Швейцарии и Франции поступит роман Саши Филипенко «Кремулятор», вышедший во французском переводе Марины Скаловой в лозаннском издательстве Éditions Noir sur Blanc. 15 января в Париже автору была вручена премия Transfuge за лучший европейский роман 2023 года.

С Сашей Филипенко мы познакомились сами и познакомили вас в 2021 году, когда русскоязычный белорусский писатель находился в писательской резиденции в Фонде Яна Михальского. Тогда еще просто в гостях. С тех пор, в силу открыто высказываемых им взглядов на происходящее в Беларуси, ему пришлось попросить убежища в Швейцарии – оно было предоставлено, хоть и не без труда. В том же 2021 году редактор Нашей Газеты имела удовольствие быть модератором беседы между Сашей и российским автором Максимом Осиповым в рамках фестиваля

«Библиотопия», а также беседовать с ним отдельно о романе «Бывший сын» в Фонде Яна Михальского. Наша редакция поддержала также встречи Саши с читателями в Берне (с презентацией книги «Бывший сын») и на Русском кружке в Женеве (с презентацией книги «Кремулятор»). И вообще мы подружились.

Рассказ о шестом романе Саши Филипенко в связи с его выходом на французском языке нуждается, помимо только что прочитанного вами вступления, в трех небольших отступлениях.

Отступление 1. Мы прочитали роман «Кремулятор», как только он вышел в московском издательстве «Время», в 2022 году. Притормозили на названии, поскольку никогда не встречались с этим словом. Решили не тревожить сразу Гугл, а догадаться с трех раз. В голову пришли такие варианты: а) устройство для взбивания кулинарного крема, б) устройство для подбора (регулирования) подходящего крема для кожи и с) что-то, связанное с Кремлем. Ни один из вариантов не оказался верным, хотя «теплее» всех – третий. Слово «кремулятор» в русском языке – калька с английского, на котором оно означает «устройство для измельчения до состояния пыли человеческих останков после кремации». Вот такая полезная в хозяйстве вещь, с латинским корнем crematio – сжигание.

Отступление 2. Поскольку никто не отменял утверждения о том, что встречают по одежке, хотим обратить ваше особое внимание на обложку франкоязычного издания, которую украшает женщина в красной косынке со знаменитого советского плаката «Не болтай» – правда, без надписи и без строк Самуила Маршака «Будь начеку! В такие дни подслушивают стены. Недалеко от болтовни и сплетни до измены». Картинка известна всем, причем не только на территории бывшего СССР: по рейтингу сайта sovposters.ru, созданного при поддержке Фонда Всемирного наследия ЮНЕСКО, плакат «Не болтай!» занимает 10 место среди советских плакатов, которые так любят покупать иностранцы, и первое место по популярности. Но кто помнит, что этот плакат был создан летом 1941 года художниками Николаем Денисовым и Ниной Ватолиной, призывал граждан к бдительности и был распечатан миллионными тиражами? Прожившая долгую жизнь Нина Николаевна Ватолина, ученица Александра Дейнеки, рассказывала в 2000 году в интервью «Комсомольской правде»: «То было трагическое время, и плакат был создан, чтобы помочь выстоять в борьбе со смертельным врагом. Это очень искренняя работа. <…> Однажды мой редактор в «Изогизе» Елена Валериановна Поволоцкая сказала: „Надо сделать такой плакат, – и приложила палец к губам». Стоит напомнить также, что в «Словаре русского языка» 1949 года под редакцией С. И. Ожегова глагол «болтать» определяется как «(разг.) говорить (много, быстро, а также о чём-нибудь незначительном или о том, о чём не следует)». Понятно, что в нашем случае речь идет именно «о чем не следует», так что обложка подобрана издательством удачно: герои «Кремулятора» точно не проболтаются, ведь речь идет об «обитателях» знаменитого московского крематория, что на Донском кладбище.

Отступление 3. Для того, чтобы понять, почему книга, повествующая о 1930-х годах, не потеряла актуальности и сегодня, рассказываем о реальном контексте, в котором появился ее французский перевод. 9 ноября прошлого года мы узнали, что в квартиру родителей Саши Филипенко в Минске ворвались семеро вооруженных людей, повалили родителей на пол. Забирая отца, приговаривали: «Скажите спасибо своему сыну!» На отправленное Саше сообщение, полное вопросительных знаков, получили ответ: «Весь день держали в Первомайском РУВД и не говорили об этом. Сейчас повезут на Окрестино. Утром будет суд. Наверное, дадут 15 суток и за это

время будут читать телефон/компьютер и через 15 суток станет понятно».

В своих прогнозах Саша ошибся ненамного, всего на двое суток. «Привет. Папу выпустили. 13 суток в четырехместной камере, в которой содержались 22 человека. Без прогулок, без нормального сна (потому что свет не выключают), без очков, которые забрали. Зато стало понятно, зачем всё это было сделано. Отцу дали подписать протокол, что против меня возбуждено уголовное дело (сказали, что готовится еще три), и несколько часов держали босиком, заставив записать покаянное видео, в котором он осуждает мою деятельность. Обувь снимают, чтобы бить в пятку электрошокером. В это время в Москве должны были ставить «Кремулятор» в театре на Покровке, в «Независимой газете» даже появился короткий анонс. Однако уже на следующий день режиссера Анастасию Паутову вызвали в дирекцию, спектакль сняли, а актера, который играет следователя Перепелицу, прямо с репетиции увезли в военкомат, чтобы отправить на войну. Благо, у него оказался белый билет. И всё же «Кремулятор» будет. 2 февраля в Берлине премьера спектакля, который ставит Максим Диденко. В главной роли Максим Суханов. Спектакль будет идти на русском с немецкими субтитрами», таким было следующее сообщение от Саши, и теперь вам понятно, почему от его текста то бросает в печной жар, то пробирает могильный холод.

То, что премьера спектакля состоится в Германии, по-своему символично, ведь именно оттуда были привезены две кремационные печи фирмы Топф для первого и до 1947 года единственного массового крематория, действовавшего в СССР, перестроенного в 1926 году из здания церкви на Новом Донском кладбище и торжественно открытого 6 октября 1927 года проведением первой плановой кремации: после Октябрьской революции большевики решили использовать кремацию в противовес взглядам верующих и вопреки традициям христианства. По их мнению, кладбища были подчинены религиозным организациям, что противоречило идеям свободы совести. Кроме того, крематорий уравнивал классы населения способом и местом погребения. Тут большевики были отчасти правы: в Донском крематории были кремированы как люди, впоследствии погребённые в Кремлёвской стене, среди них писатель Максим Горький, лётчик-испытатель Валерий Чкалов, так и репрессированные – в частности, сюда были доставлены для сжигания Маршал Советского Союза Лаврентий Берия, Маршал Советского Союза Михаил Тухачевский, командарм 1-го ранга Иероним Уборевич, Зиновьев, Каменев, начальник Военной Академии РККА имени Фрунзе Август Корк, Маршал Советского Союза Василий Блюхер, командарм 1-го ранга Иона Якир, писатели Исаак Бабель и Михаил Кольцов, режиссёр Всеволод Мейерхольд, архитектор крематория Дмитрий Осипов… Однако равенство было все же не полным, поскольку урны делились на «обыкновенные, уникальные и высокохудожественные», с соответствующей разницей в цене.

В основу романа Саши Филипенко легла история жизни Петра Ильича Нестеренко, ставшего первым директором Первого московского крематория сразу после его строительства. История, воссозданная по материалам его следственного дела: проработав в годы «большого террора» без сна и отдыха, днем кремируя умерших своей смертью, а по ночам – привезенных в «черных воронках», Петр Ильич дождался вовсе не прекрасного дня летом 1941 года, когда «воронок» приехал и за ним – как раз в то время появился плакат «Не болтай». С ареста главного героя и начинается повествование, которое ведет сам Нестеренко, рассказывая не только о шести

допросах в «настоящем», но и обо всей предыдущей жизни. Несмотря на подлинность главного героя и многого прочего, «Кремулятор» - роман, то есть художественное произведение, в котором есть доля вымысла. (Увы, с этим никак не могла согласиться проживающая в Германии внучка Петра Ильича Нестеренко, угрожавшая автору судом за клевету и обращавшаяся за поддержкой даже в нашу редакцию. К счастью, свои угрозы она в исполнение не привела, и вопрос закрылся.)

*«В России все так, потому что недопустимое – допустимо! Мы с вами покинули страну, в которой нет алармистов. Всякий раз, когда нужно сказать: «Хватит!» - русский человек говорит: «Да, дальше так продолжать нельзя, но, если подумать...» Одна из главных проблем России – союз «но» и запятые. Мы привыкли ставить запятые там, где давно пора поставить точку».*К сожалению, сцену, которой открывается роман, очень легко представить себе и сегодня. Судите сами: «Обыск и арест проводят 23 июня 1941 года. На всё про всё уходит шесть часов. Работа привычная, однако атмосфера нервная – всего день как объявлена война. Пока Брестская крепость сдерживает невообразимое давление фашистской машины, столицу Советского Союза накрывает волна незаметных изъятий. В квартирах и в парках, в институтах и в наркоматах вяжут потенциальных шпионов. Несмотря на размах мероприятия, задержаний не так уж и много – арестовывают всего 1077 человек, в которых бдительные советские органы видят предателей и троцкистов, бактериологических диверсантов и прочих (для заключения под стражу существует и такая графа). Цифра столь незначительна, потому что с большинством линейников разобрались еще в 37-м, когда только по подозрению в работе на Польшу к расстрелу были приговорены более ста тысяч человек (если быть точным – 111 091 гражданин). Действительный штат польской разведки не насчитывает и двухсот агентов по всему миру, но что уж тут поделаешь, ты же знаешь, милая, наши старательные органы уничтожают впрок и наверняка. «Лучше перебздеть, чем недобздеть», – переворачивая мою библиотеку, замечает один из чекистов. От грубости этой крохотную квартирку начинает выворачивать вещами, и меня выводят на улицу».

Увы, это не единственная параллель с сегодняшним днем, а основная мысль, проводимая Сашей Филипенко, очевидна: времена меняются, но система, стирающая своих граждан в порошок (читай – в пепел), остается – «жизнь есть череда постановок на разных сценах». Очередь каждого – только вопрос времени. «Сегодня ты, а завтра – я», как поет Герман в «Пиковой даме». Трудно без содрогания читать рассказ о том, что Генрих Ягода, «как человек сентиментальный для собственного удовольствия, теша самолюбие или наслаждаясь местью» некоторое время держал в ящике письменного стола пули, извлеченные из тел Зиновьева и Каменева, а «когда его самого расстреляли, памятные артефакты перекочевали в шуфлядку к товарищу Ежову». О том, как продавали билеты на кремации – с появлением хлеба людям хотелось и зрелищ. Об отвратительности войны, которая «обязывает тебя убивать против собственной воли», о постоянных мыслях о собственном расстреле самого Нестеренко, в детстве любившего природу… А как вам такое воспоминание Петра Ильича о Первой мировой войне, на которую он мечтал попасть, чтобы вернуться с Георгиевским крестом: «Торжество смерти, царство мертвеца – вот что это была за война! Век только начинался, а все идеалы уже были разрушены… <> над целым континентом висел трупный запах.» Потяните носом воздух, читатели. Чувствуете?

А разве не актуален всегда встающий в критические моменты жизни выбор между здравым смыслом и порядочностью? И разве не мучают сегодня каждого

здравомыслящего россиянина те же мысли, что и старика, регулярно садившегося в такси Нестеренко в парижскую его бытность? На вопрос, как Россия дошла до того, до чего дошла, он отвечал: «В России все так, потому что недопустимое – допустимо! Мы с вами покинули страну, в которой нет алармистов. Всякий раз, когда нужно сказать: «Хватит!» - русский человек говорит: «Да, дальше так продолжать нельзя, но, если подумать…» Одна из главных проблем России – союз «но» и запятые. Мы привыкли ставить запятые там, где давно пора поставить точку».

Пора поставить точку и нам. Очень надеемся, что вы прочитаете книгу, она того стоит. Даже если дым Отечества давно перестал был сладким и приятным, приобретя невыносимый трупный запах.

[белорусская литература в Швейцарии]

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/un-systeme-qui-reduit-en-cendres*